

© 2012 г. Л.З. Султыгова

УДК 340

САМОДЕРЖАВИЕ, ПРАВОСЛАВИЕ И НАРОДНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Исторически социальная структура российского общества самым непосредственным образом влияла на формирование базовых компонентов российской государственно-правовой доктрины, показывая взаимосвязь консервативных начал сословно-иерархичной структуры общества и направляющей роли православной церкви и высшей государственной власти в развитии страны.

Следует признать, что «столпы» идеологии государственно-правовой доктрины *«православия, самодержавия и народности»* Российской Империи в целом соответствовали ориентациям социально-этнической, конфессиональной и культурно-укладной структуры населения. Согласно данным первой российской всеобщей переписи населения 1897 г. [1] его численность составляла более 124 млн. чел. Основная его часть приходилась на сельское население (86,6%), остальная – на горожан. Наибольшее число жителей отмечалось в губерниях Центральной России (чуть менее половины от всей численности населения). В национальном составе преобладали русские (55,667 млн. чел., 48%), а также украинцы (22,381 млн. чел., чуть менее 20%), далее поляки (7,9 млн. чел.), белорусы (5,9 млн. чел.). Таким образом, в Российской Империи к славянской общности принадлежало около 92 млн. чел. Из многочисленных групп населения с общностью этнического происхождения и культуры следует выделить представители тюркских народов – татар, башкир, чувашей (ок. 6 млн. чел.). Проживавших в основном на территории привислинских (за чертой оседлости) и белорусских губерний и в Новороссии евреев насчитывалось 5 млн. чел. В Средней Азии и Казахстане доминировали киргизы и казахи (4,1 млн. чел.). Значительно меньшая доля населения приходилась на немцев (1,7 млн. чел.), латышей (1,4 млн. чел.), литовцев (1,2), эстов (эстонцев, 1 млн. чел.), грузин (1,3 млн. чел.), армян (1,2 млн. чел.) и другие национальности.

В вероисповедании преобладали православные (в стране – 69,35%, в ее европейской части – 81,71%), затем магометане (то есть мусульмане, соответственно 11,7% и 3,82%), католики (9,13% и 4,65%), иудеи (4,15% и 4,06%), приверженцы армяно-григорианской церкви (0,94% и 0,05%) и т.д. В сословной структуре населения выделялись, прежде всего, крестьяне (77,12%), мещане (10,66%), инородцы (6,61%), войсковые казаки (2,33%), дворяне потомственные и их семьи (0,97%), дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи (0,5%), лица духовного звания всех христианских вероисповеданий и их семей (0,47%) купцы и их семьи (0,22%). Более суженные меньшинства по выбранной идентичности групп согласно переписи образовывали финляндские уроженцы без различия сословий (0,03%), а также лица, не принадлежавшие к этим сословиям (0,28%), лица, не указавшие сословия (0,06%), иностранные подданные (0,48%) [1]. Ведущее место по совокупной численности населения принадлежало податным группам населения крестьянам, мещанам, инородцам, частично купцам (2-ой и 3-ей гильдий), на которые приходилось более 80% населения. Привилегированные сословия дворян и духовенства составляли менее 2% населения. Таким образом, демографический, этнический, конфессиональный состав населения Российской Империи к моменту ее наивысшего подъема на рубеже XIX-XX показывает *доминирование славянских (прежде всего русского) народов, ориентации на христианскую православную церковь, патриархально крестьянский и мещанский уклад жизни, тяготеющих к авторитету верховной самодержавной власти.*

Общим базисом их законопослушного поведения выступало следование положениям государственно-правовой доктрины «православия, самодержавия и народности», которая хотя и была окончательно сформулирована министром народного просвещения, графом Уваровым, в 1840-х гг., однако, действительно опиралась, как мы видим, на потенциально широкие социальные группы поддержки. В этой связи представляется актуальным выявление общественных характеристик институтов господствующего правопорядка – православия, самодержавия и народности – в публично-информационных образах их ретрансляции в отечественной литературе и публицистике, выражавших наиболее распространенные мировоззренческие позиции и умонастроения.

1. Публично-информационные представления о самодержавии. На авторитете монархического уклада российского государственного управления

строилась организация общественной и частной жизни. Государственные реформы Петра I лишь закрепляли устойчивые стереотипы почитания верховной власти и монархии как основы миропорядка. В морально-этическом кодексе публичного поведения (1717г.) подчеркивалось единение веры и самодержавия: «понеже никто ради какой милости должен кому служить, кроме бога. А государю какову ради чести и прибыли и для временной милости» [2, с. 10]. Отношение просвещенной элиты к петровской модернизации эталонов гражданского поведения емко характеризовал один из ближайших его сподвижников и церковных авторитетов Феофан Прокопович, выразивший уверенность в том, что «какову он Россию свою сделал, такова и будет» [3, с. 54] в укреплении российской государственности. Понятие общего блага имело публичное представление подданным государя российского в связи с поднесением ему по успешному завершению войны со Швецией титула Отца Отечества, Великого императора Всероссийского 22 октября 1721 г. Отвечая на речь канцлера граф Г.И. Головкина, Петр I призвал сограждан к созиданию общего дела: «Желаю весьма народу Российскому узнать истинное действие Божие к пользе нашей... Надлежит стараться о пользе общей, являемом Богом нам очевидно внутри и вне, от чего народ получит облегчение». Изменение титулатуры русского монарха, государственной символики и т.д. закреплялось в соответствующих законодательных актах [4].

С прерогативами российского императора, закреплявшего не только превращение формулы «Москва – третий Рим», но и место России на мировой авансцене и международной политике. Как писал один из современников тех событий, неизвестный автор сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», с принятием русским царем императорского титула «начало восприяла четвертая монархия северная, то есть Российская империя», указывая одновременно на ее предвосхищение в 1714 г. Д. Кантемиром еще до «наименования России империею» [5, с. 261]. Этим он лишь напомнил содержание трактата Кантемира «Монархий физическое рассуждение», где тот надеялся, что именно в правление Петра Великого Россия преемницей западных монархий [6]. Как писал один из современников тех событий, неизвестный автор сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», с принятием русским царем императорского титула «начало восприяла четвертая монархия северная, то есть Российская империя»,

указывая одновременно на ее предвосхищение в 1714 г. Д. Кантемиром еще до «наименования России империею» [5]. Этим он лишь напомнил содержание трактата Кантемира «Монархий физическое рассуждение», где тот полагал, что именно в правление Петра Великого Россия преемницей западных монархий [6].

Сакрализация императора-самодержца получила развитие и обоснование в современной ему публицистике духовной и светской направленности. Священное единство православия и самодержавия, предстоящих в лице Петра I, выделялось в сочинениях Дмитрия Ростовского в «Приветствии Петру», Стефана Яворского в «Слове о победе над королем Швеции под Полтавою» и «Слове благодарственном» по случаю взятия Выборга [7] и др. В работах идеологов-реформаторов из окружения императора («Слове похвальном о баталии Полтавской» Феофана Прокоповича и «Службе благодарственная о великой Богом дарованной победе под Полтавой» Феофилакта Лопатинского и др.) проводились сравнения его и сподвижников с Христом и апостолами. Сам Петр I корректировал редакции сочинений, провозглашавших божественной властью самодержцев [8].

На несомненную пользу прославления монархов, воспевания их героических деяний как воспитательного предназначения искусства, указывают темы многочисленных светских произведений, воспевающих доблесть российских самодержцев в сочинениях М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина и др. [9]. В.К. Тредиаковский писал (1752 г.) как о само собой разумеющемся факте, что «ныне еще в самых политических народах знатные деяния прославившихся монархов и полководцев описывают стихами; а род сей стихотворения называется эпическим и героическим» [10]. А.П. Сумароков, связывал (1764 г.) задачи искусства с тем, чтобы «первая должность управляющих в сих хитростях – изображать истории своего отечества и лица великих в оном людей, монархов, победителей и прочих» [9]. М.М. Херасков говорил (1772 г.) о вдохновении искусства славными делами самодержцев, после того, как «почти до начала сего века Музы не дерзали вступить в отечество наше, и науки, которые воцарения Петра Великого ожидали, света своего представить не могли». Предназначение монархии к ее мудрому, просвещенному правлению на благо поданных, выделялось в многочисленных выступлениях отечественной публицистики. По мнению Ломоносова

(1764 г.), «радеть о благоденствии общества, защищать оное прозорливым мужеством, управлять милосердным правосудием, обогащать домостроительством и купечеством, просвещать науками, украшать художествами есть великих монархов упражнение» [9].

Уже Радищев отмечал раболепие российских пиитов, воздавая должное Ломоносову.: «следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисаветы» [11]. Подобные хвалы самодержавию дало повод для характеристики Пушкиным отечественной словесности, которая «носит на себе печати рабского унижения. <...> С Державиным умолкнул голос лести...» [12]. Дворянская интеллигенция, разделявшая идеи европейского просвещения, ратовала за самоограничение произвола верховной власти, формирование просвещенной монархии. Д.И.Фонвизин видел назначение верховной власти в том, чтобы руководствовать не собственным прихотями, а общественными интересами. Он полагал, что «верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствую» и знают, что «власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла» [13]. Здесь идеал самодержавия опирался на самоограничение его эгоистических побуждений.

Н.И. Новиков сравнивал достойное служение Родине с добродетелями государя подобно «достопочтенным монархам, которые себя отцами отечества своим сочеловекам оказывают и которые то думают, что чем важнее и достойнее почтения сан в общежитии, тем более особа, облеченная в оный, долженствует отечеству служить и быть полезною» [14]. Полемика Новикова с проправительственным журналом «Всякая всячина», направлявшегося рукой Екатерины II, участвовавшей в нем под псевдонимами вместе с приближенными ко двору вельможами и публицистами показала, как опасна критика существующего порядка. На страницах своего издания «Трутень» он воспроизводил советы влиятельных доброхотов. «...Остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян, на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истреб-

ляйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных: тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше» [15]. «Во всякой всячине» ему отвечали о дерзости и порицании критики высокопоставленных лиц: «Суровое и невежливое сердце никогда довольнее не бывает, как когда оно оскорбит какую ни есть особу» [15, с. 44]. Таким образом, угрозы преследований либеральной печати даже за критику сановных лиц сами собой снимали вопрос о ее возможности в отношении царской фамилии. Следует заметить, что допускаемые Новиковым вольности обращения со своим оппонентом нарушали нормы светского приличия не только того, но и нынешнего времени, не говоря уж о дискредитации уважения к монаршей особе. Это вынуждены признать даже сочувствующие последовавшим на него гонениям (формально ввиду связей с масонами) марксистские исследователи. Ими, например, указывается, что Новиков «обличая Екатерину, называл ее пожилой дамой нерусского происхождения, упражнявшейся в сочинении книг под названием «Всякий вздор», возмнившей себя «всемирным возглашателем добродетели» и т. д. Тогда Екатерине было 40 лет. В 1782 году ей было 52 года. Как мы уже говорили, переход к старости ознаменовался у Екатерины усиленной сменой фаворитов. И вот Новиков берет пословицу, имевшую в виду именно это значение – блудливость стариков» [16]. Понятно, что подобные дерзости требовали защиты чести и достоинства главы государства, если не в судебном разбирательстве и на страницах прессы, то уж точно во властно-административном давлении на допускавших подобные выпады авторов. Обличительная критика Новикова нравов правящей аристократии приблизили закрытие его журнала. В неопубликованном письме Екатерины II во «Всякую всячину», найденном в ее архиве содержался намек на решение о закрытии его главного оппонента «Трутня»: «Госпожа бумагомагрательница Всякая всячина! По милости вашей нынешний год отменно изобилует недельными изданиями. Лучше бы изобилие плодов земных, нежели жатву слов, которую вы причинили. Ели бы вы кашу да оставили людей в покое» [16, с. 65].

Значительно более строгие санкции последовали за радикализм взглядов на самодержавие А.Н. Радищева, видевшего корень всех зол в бесконтрольности высшей власти, «самовластии Государя, неимеющего закона на последование, ниже в разпреложениях своих других правил, кроме своей воли или

прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что пользуясь уделом власти без предельной, он такой же властитель частно, как тот в общем» [17, с. 162]. Органы власти должны были освещаться в прессе со всем уважением, их дискредитация была недопустима. Предосудительным являлась не только прямая критика, но и опосредованная связь с недостатками общественного положения, бедствиями, ассоциируемыми с государственной или местной властью. Например, в период контрреформ Александра III намеки на бездействие правительства вызвали немедленные цензурные преследования. Характерна реакция столичной цензуры на напечатанную в газете «Голос» (1882, №337, 11 декабря) статью А.И. Кошелева «Великая наша беда». Вызвавший предупреждение цензуры отзыв содержал следующие претензии: «[в статье] настоящее положение государства представляется в самом безотрадном виде и в таком его положении обвиняется высшее правительство с очевидною целью возбудить к нему недоверие и неуважение, что ранее в фельетоне № 258 этой же газеты были вызваны крайне неблагонамеренные и резкие суждения об отношении помещиков к крестьянам, и в передовой статье №261 по поводу деятельности комиссии о преобразовании местного управления, редакция этой газеты дозволила себе также выразить недоверие к действиям правительства».

Таким образом, публичное представление органов власти должно было соответствовать их надлежащему информационному освещению, не содержащему умаления их деловой репутации, статусных характеристик или критики должностных персоналий. По ограничениям в отношении высказываний в адрес монархии можно было судить о рамках дозволенных отзывов о деятельности государственной власти.

2. *Публично-информационные представления о православии.* Привилегированный правовой статус русской православной церкви отмечался защитниками и критиками приоритетной охраны господствующего вероучения. Особенное недовольство вызывало наличие выраженных репрессивных санкций за малейшие отклонения от православного благочестия. Специалисты по церковному праву отмечали, что хотя данные нормы «в действительной жизни остаются частично мертвою буквою, [однако] не устраняют коренного нравственного вреда, происходящего от допущения подобного начала в нашем законодательстве» [18, с. 57]. Ими приводились всем знакомые положения уголовного законода-

тельства (в (Уложений о наказаниях), где гражданам православного вероучения вменялось в обязанность: исповедоваться не менее 1 раза в год, приводить детей на исповедь начиная с 7-летнего возраста, наблюдение за исполнением этого не только духовных, но и гражданских, военных властей, обязанности «контроля» и «доноса» обо всех прихожанах, «бывших и не бывших на исповеди» в консисторию или духовное правление, внушений отказывающихся исповедоваться, а «кто не вразумится увещаниями, о том сообщается гражданскому начальству, на его усмотрение» [18, с. 55].

Цензурный контроль за соблюдением пиетета православной веры поданными Российской Империи отличался пристальным наблюдением за предотвращением каких-либо посягательств на понимание религиозных канонов в соответствии с личностным видением авторов в печатных изданиях и иных каналах публично-информационной сферы. Типичным примером преследования религиозного инакомыслия может являться реакция цензуры на статью «Суемудрие Дня» (1860-е гг.) одного из сотрудников «Современника» М. Антоновича, которая была нацелена на полемику со сторонниками славянофильства, прежде всего И.С. Аксаковым. Даже в условиях пореформенного времени и либерализации цензурного контроля печати «Современнику» было вынесено предупреждение. Так и не ставший оппонентом Антоновича, Аксаков протестовал против невозможности публично отстаивать свободу совести: «почему, например, человеку, искренно неверующему, нельзя было заявить об этом печатно, не подвергаясь суду или иного рода преследованиям. Что за дело государству до того, верит ли такой-то литератор или не верит в бога, если он исполняет все свои гражданские обязанности? Область совести не есть область государства» [19, с. 11]. Большой общественный резонанс вызывало цензурное преследование публично выражаемых взглядов Л.Н. Толстого, дискредитировавших по мнению церковных инстанций основные каноны православия. Резкое несогласие цензуры и последующий арест вызвала его книга «В чем моя вера» (Москва, 1884г.). Отзыв духовного цензора на ее содержание красноречив в отношении признания ее вредности «по мыслям, явно противным учению и духу христианства, разрушающим начала нравственного учения его, устройства и тишину церкви и государства» [20, с. 150-151].

Специальным постановлением иерархов русской православной церкви, подписанным 4-мя митрополитами, 1 архиепископом и 2 епископами, было вынесе-

но представление о взаимоотношениях церкви и графа Л.Н. Толстого. Речь об отлучении его от церкви не шла, но в выводной части постановления было заявлено, что «свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины» [21]. Толстому инкриминировалось нарушение как учения церкви, ее основных догматов и таинств, так и распространение нигилистических богоборческих взглядов, подрывающих православную веру и единение христиан и его соотечественников. Выражение антихристианских взглядов Священным Синодом связывалось с тем, что он «в своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного Живого Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа-Богочеловека, <...> отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы, <...>, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви <...>, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа». Особенно церковное руководство возмутила намеренно публичное проповедование Толстым данного мировоззрения «словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православною». Резолюция Синода гласила: «Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею». Таким образом, здесь было указано на несовместимость православных канонов и публично выражаемых взглядов Л.Н. Толстого, нарушающих устои веры, консолидации российской церкви и общества.

На двусмысленность определения Синода, порицавшего, но отвергавшего вероотступника, сразу же обратил внимание и сам Толстой, решивший выступить с ответом. Он отмечал, что «оно незаконно или умышленно двусмысленно потому, что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение; если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в церковь и ее догмата, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется, и

такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно и случилось, потому что оно так и было понято». То есть Толстой видел, что церковь, видя несовместимость его действий с православным вероучением, все же не стремилась расторгнуть с ним отношения, не высказываясь при отпадении за его отлучение. Он считал безосновательным обвинение в публичном распространении им подрыва догматов русско-православной церкви (далее по тексту – РПЦ) ввиду ограниченности своих сторонников и цензурной фильтрации излагаемых высказываний. Он категорически не соглашался с главным, по его мнению, поводом появления определения Синода, состоявшим в «большом распространении моего совращающего людей лжеучения <...>, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из получаемых мною писем». Толстой полгал, что его неверие православным догматам разделяют в душе «почти все образованные люди в России <...> и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах и книгах». Вместе с тем, в глазах обывателя определение провоцировало прилив фанатичных выпадов против Толстого. Он с сожалением отмечал, его влияние на «подстрекательство к дурным чувствам и поступкам <...> в людях непросвещенных и не рассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах». В главном Толстой признавал свое право на инакомыслие и факт самоотречения «от церкви, называющей себя православной», придя после длительных размышлений к выводу, что ее учение «есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения». Вместе с тем, общественное восприятие расхождения позиций РПЦ и Толстого скорее соглашалось с тем, что Толстой не просто отпал от православной церкви или основных ее христианских вероучений, но и был отлучен от РПЦ [22].

Кризис ортодоксального религиозного сознания и авторитета православных догматов сопровождался все более нараставшим вольным обращением с религиозно-христианскими символами веры. Мотивы эмансипации религиоз-

ной морали в профессионально-творческой деятельности демонстрировал М. Горький. Отсутствие пиетета перед православными догматами присутствует в его сравнении писательского воображения и сакральных образов, не упоминаемых всуе настоящим христианином. «...Бог создан так же, как создаются литературные «типы», – замечает Горький, – по законам абстракции и конкретизации. «Абстрагируются» – выделяются характерные подвиги многих героев, затем эти черты «конкретизируются» – обобщаются в виде одного героя, – скажем – Геркулеса или рязанского мужика Ильи Муромца; выделяются черты, наиболее естественные в каждом купце, дворянине, мужике, и обобщаются в лице одного купца, дворянина, мужика, таким образом получаем «литературный тип» [23, с. 321]. Говоря о миссии «безукоризненно правдивых и суровых обличителей пороков командующего класса» в предшествующей началу XX в. русских писателей, Горький был убежден, что и современная ему передовая литература «продолжает работу критики действительности с наименьшей правдивостью, зоркостью и не менее сурово. Общий тон ее становится все более мрачным и безрадостным, все более резко отрицательным по отношению к жизни и нравам буржуазии» [24, с. 322].

Вхождение священных религиозных символов не только в литературный быт, но и программные произведения революционного искусства показывало творчество А.А. Блока. Образы героев нового типа, идущих в авангарде революции и представленных в одной из самых широко известных поэм «12», сопрягают стражу революции, идущей под знаменем того, кто «в белом венчике из роз – впереди – Иисус Христос» [25, с. 429]. Сам Блок, размышляя над оскудением отечественного театрального искусства, «которое доселе кажется нам непревзойденным, единственным в мировой литературе, неразгаданным до конца, символическим в истинном смысле этого слова», связывает этот кризис с тем, что новаторы в России всегда шли против течений господствующей идеологии. «...Благополучны сравнительно были одни ремесленники, которые, крепко цепляясь за политическую и религиозную скорлупу России – самодержавие и православие, – сидели за этим до времени «безопасным рубжом» и «лаялись, как псы, из-за ограды» [26, с. 318].

На раздвоенность преклонения перед церковными канонами и богоборческим отрицанием их святости, уживавшихся в обыденном сознании, указывал на примере личного духовного опыта С.А. Есенин, отсутствие радикализ-

ма творческих убеждений которого сближает его с характерными особенностями мировоззрения традиционной российской ментальности. Если вначале он признавал, что «на ранних стихах моих сказалось весьма сильное влияние моего деда. Он с трех лет вдавливал мне в голову старую патриархальную церковную культуру. Отроком меня таскала по всем российским монастырям бабка», то в зрелости Есенин выражал уже скепсис и отстраненность к доверию христианским ценностям: «Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии» [27, с. 222]. На равнодушие на рубеже XIX-XX вв. официальной православно консервативной литературы, по крайней мере, в среде интеллектуальной и либеральной интеллигенции, обращал внимание тонкий наблюдатель общественной жизни А.П. Чехов. Говоря о московской ориентирующейся на РПЦ философии «топорной, мутной, как Москва-река, белокаменного пошиба», авторы которых «претензиозны и до безобразия скучны; печать игнорирует их», он указывает, что она, «отвергая любовь, взывает к страху и палке как к истинно русским и христианским идеалам» [28, с. 38].

Можно констатировать, что ортодоксальное продвижение догматов православия, как на уровне административного преследования духовной и светской властью отклонений от канонов благочестия, так и казенного его навязывания в публичном обороте в сочетании с фривольно творческими интерпретациями русской интеллигенции подрывали доверие к вероучению и авторитету его нравственно-религиозного содержания.

3. Публично-информационные представления о народности. Понятие «народность», заявленное главой министерства народного просвещения С.С. Уваровым в качестве одного из приоритетов государственной доктрины Российской Империи, являлось наименее разъясненной категорией. Под ним понимались различные, хотя и близкие смыслы единения российского самодержавия, православной веры и народа в смычке государственно-гражданских институтов поддержки власти. Проводниками доктрины официальной народности в публично-информационной сфере выступили заметные представители литературного цеха профессора Московского университета – филолог С.П. Шевырев и историк М.П. Погодин, журналисты Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин. Емкое выражение их программных позиций дал Погодин, доказывавший, что единение народа и верховной власти России основано на историче-

ской народной поддержке отеческой заботы самодержавия об устройении и процветании русского государства. В отличие от присущего низшим сословиям Европы «тупоумия, заметного путешественнику с первого взгляда», к самобытным талантам русского «сиволапого мужика», с одинаковым успехом работающего на ниве, служащего в армии, познающего науки, добавляются «глубокое познание книг Священного Писания, философские размышления, по отношениям богословия к философии, принадлежат к нередким явлениям в простом народе» [29, с. 100]. Эта всенародная мощь уподобляется Погодиным огромной машине, «управляемой рукою одного человека, рукою Русского Царя, который во всякое мгновение, единым движением, может давать ей ход, сообщать какое угодно Ему направление, и производить какую угодно быстроту» [29, с. 100]. Эта податливость образуется общей волей самодержавия и народа, которая «одушевлена единым чувством, и это чувство, заветное наследство предков, есть покорность, беспредельная доверенность и преданность Царю, который для нее есть Бог земной» [29, с. 100].

Таким образом, идеологи доктрины официальной народности убеждали в наличии особых сакральных форм преданности народа самодержавной власти, ведущей его к общему благу и опирающейся на общественную поддержку и защиту государством союза монархии, православной веры и народного согласия.

Понятийно категория народности как государственно-гражданской общности национального самосознания вошла в научный оборот благодаря работам отечественного историка и литературоведа, академика А.Н. Пыпина. По его мнению, именно консолидация сил правящей элиты и народа в Отечественной войне 1812 г. обусловила «поворот к национальному сознанию, что русская жизнь с этого времени, оставив прежнюю подражательность, выходит на дорогу народности, что литература с этих пор принимает национальный характер, а первый поэт, выросший под впечатлениями знаменательного времени, был Пушкин» [30, с. 291].

Следует заметить, что именно с Пушкиным связан интерес к использованию понятия народности в общественной жизни. Он отмечал в современной ему литературе и общественной жизни «обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом

народность» [31, с. 28]. Он указывал на особое значение публичной интеллектуальной деятельности, осмысляющих и усиливающих некоторые общие черты народного самосознания. Именно их усилиями формируются представления о национальной идентичности народа и свойственных ему качествах при всем различии взглядов на данную проблематику, ведь «народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком» [31, с. 28].

Н.А. Добролюбов считал «у нас не было еще таких писателей, которые бы вполне овладевали обществом, кроме некоторых исключений гениальных творцов (Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя) «до некоторой степени достигавших этой цели» [32, с. 219]. В этом взгляде на народность отражалась позиция разночинно-демократической публицистики, ее освободительных и просветительских воззрений. Н.А. Добролюбов прогрессивность петровских реформ связывал с «образованием народным для блага целого царства», с «заботой о просвещении народа», призывая «на помощь живое убеждение, и это убеждение [Петр I] распространял посредством книг» [33, с. 170]. В то же время, говоря о росте народного самосознания, Добролюбов отмечал мелкотемье сатиры, бытовых придилок, когда «восстают против фраков и бритья бород (а сами выбриты и во фраке), против мелочных недостатков, зависящих от обычая или даже приличий, принятых всеми и, в сущности, никому не мешающих» [33, с. 220]. Призывы же благопристойному поведению натывались на отсутствие общественных условий для его поддержки: «будь, дескать, добродетелен, служи бескорыстно, ставь общее благо выше собственного, и т.п. абстракции, весьма милые и вполне справедливые, но, к несчастью, редко зависящие от воли частного человека...» [33, с. 220].

Русский критик и поэт А.Г. Григорьев выступал против односторонней связи понятия народности с самой многочисленной группой населения страны – с крестьянством. С одной стороны, он присоединялся к воззрениям славянофилов, что «спасение наше в хранении и разработке нашего *народного*, типического», с другой – критиковал стремление видеть «народное начало только в одном крестьянстве», что «подвергает *народное* обрезанию и холощению в имя пуританского идеала» [34, с. 158].

В творчестве писателей, стремившихся к реализму изображения современной им эпохи – И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.М. Горького и др., – показан усилившийся разлад солидарности общественных классов, их поддержки верховной власти, правящей элиты, консервативных устоев российской государственности. Тургенев сетовал на то, что «выпущенным мною словом «нигилист» воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предложили, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом» [35, с. 105], хотя этим он привлек внимание к людям, считавшихся лишь свои желания мерилom правомерных поступков. Раскачивание правопорядка в угоду частным амбициям выделял и Ф.М. Достоевский, полагавший, что череда «потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шатости в основных общественных убеждениях <...> у нас это более чем где-нибудь возможна, и именно в наше время, и эта черта есть самая болезненная и грустная черта нашего времени» [36, с. 148]. С другой стороны, М.Е. Салтыков-Щедрин, обращаясь к автору концепции народности историку А.Н. Пыпину, указывал на неизменность одиозных явлений российской государственности, ибо «те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII в., существуют и теперь». Отрицая «обвинения в глумлении над народом», он объяснял, что его сатира беспощадна к народу, «выносящему на своих плечах Бородавковых, Бурчеевых и т.п.» монстров российской бюрократии, в то время как к «народу, представляющему собой идею демократизма [он] всегда сочувствовал» [35, с. 128].

Таким образом, развитие либерально-демократической публицистики и литературы критического реализма показывает вопреки представлениям сторонников концепции официальной народности тенденции разобщения общественных классов. Рост протестных настроений в отношении привилегий правящих сословий и верховной власти, дезинтеграция ценностных ориентиров православия, самодержавия и народности подрывали консолидацию общественной солидарности, правосознания, самоощущения подданных Российской Империи как единой, сплоченной нации, признающей незыблемость права, законности, справедливости государственного правопорядка. Эти противоречия указывали на усиливавшийся конфликт между правительственно-охранительными представлениями и стихийно-оппозиционными настрое-

ниями широких масс населения, требовавших равноправного выражения их интересов и участия в общественной жизни и государственном управлении страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население России в XX веке. В 3 т. Т.1. М. 2000.
2. Юности честное зеркало // Русская литература XVIII века, 1700-1775: Хрестоматия. №2101. М. 1979.
3. Прокопович Ф. Слово на погребение Петра Великого // Русская литература XVIII в., 1700-1775. М., 1979.
4. «О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах от 11 ноября 1721 г.» // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3869.
5. О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
6. Кантемир Д. Монархий физическое рассуждение. Рукопись // Библиотека РАН в Санкт-Петербурге. Собрание Петра Великого. Ф. 1, 5, 78.
7. Димитрий Ростовский. Собрание разных поучительных слов и других сочинений. М., 1786. Т.1. Л.1. Стефан Яворский. Проповеди блаженные памяти Стефана Яворского. М., 1804-1805. Ч.1.
8. Феофилакт Лопатинский. Служба благодарственная о великой Богом дарованной победе под Полтавою. М., 1709.
9. Ломоносов М.В. Ода блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками татарами и на взятие Хотина 1739 года; Ода на прибытие ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации; Слово благодарственное ее императорскому величеству на освящение Академии художеств, именем ее говоренное и др.; Сумароков А.П. Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года; Петров В.П. Ода на победы в Море и др. // Русская литература XVIII в., 1700-1775. М., 1979.
10. Тредиаковский В.К. Письмо к приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии. С. 86.

11. Радищев А.Н. Слово о Ломоносове // Русская литературная критика XVIII в. М., 1978.
12. Русские писатели XIX в. о своих произведениях. М., 1995.
13. Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений. В 2-х т. М., Л. 1959. Т.2.
14. Новиков Н.И. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру // Новиков Н.И. Избранные произведения. М., Л. 1951.
15. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. (Эпизод из истории русской общественной мысли) // Новиков Н.И. Избранные произведения. М., Л. 1951.
16. Макогоненко Г. Николай Новиков // Новиков Н.И. Избранные произведения. М., Л. 1951.
17. Радищев А.Н. Житие Федора Васильевича Ушакова // Радищев А.Н. ПСС. М., Л. 1938. Т. 1.
18. Тернер Ф.Г. Свобода совести и отношение государства к церкви // Сборник государственных знаний. Спб., 1877. Т. III.
19. Чулков Г. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой // Мурановский сборник. Мураново, 1928. Вып. 1.
20. Добровольский Л. Запрещенная книга в России. 1825-1904. М., 1962.
21. Определение Святейшего Синода от 20-23 февраля 1901 г. №557 с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом // Церковные ведомости. 1901. 24 февраля. №8.
22. Булгаков С. Н. Толстой и Церковь // О религии Льва Толстого. М., 1912.
23. Горький М. О том, как я учился писать: (Отрывок) / А. С. Грибоедов в русской критике. М. 1958.
24. Горький М. Цели нашего журнала // А.С. Грибоедов в русской критике. М., 1958.
25. Блок А.А. Двенадцать // Блок А.А. Стихотворения и поэмы. Мн., 1989.
26. Блок А.А. Размышления о скудности нашего репертуара: (Отрывок) // А. С. Грибоедов в русской критике. М., 1958.

27. Есенин С.А. Предисловие [к неизданному собранию стихотворений и поэм] // Есенин С.А. Полное собрание сочинений. М., 1995-2002. Т. 5. 1997.
28. Чехов А. П. Осколки московской жизни // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения. Т. 18 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1974-1982. Т. 16. М., 1979.
29. Погодин М.П. Письмо к государю цесаревичу Великому князю Александру Николаевичу (1839) // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX вв. М., 1997.
30. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1918.
31. Пушкин А. С. О народности в литературе // Пушкин А. С. ПСС. В 10 т. Л., Т. 7. 1978.
32. Добролюбов Н. А. Несколько слов о цензуре в России /А.С. Грибоедов в русской критике. М., 1958.
33. Добролюбов Н.А. О степени участия народности в развитии русской литературы // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М. 1997.
34. Григорьев А.Г. Письмо М.П. Погодину // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М. 1997.
35. Русские писатели XIX в. о своих произведениях. М. 1995.
36. Достоевский Ф.М. Одна из современных фальшей // Русские писатели XIX в. о своих произведениях. М. 1995.

LITERATURE

1. Naselenie Rossii v NN veke. V 3 t. T.1. М. 2000.
2. Yunosti chestnoe zercalo // Russkaya literatura XVIII veka, 1700-1775: Hrestomatiya. ¹2101. М. 1979.
3. Prokopovich F. Slovo na pogrebenie Petra Velikogo // Russkaya literatura XVIII v., 1700-1775. М., 1979.

4. «O imperatorskom titule v gramotah, ukazah, prosheniyah i prigovorah ot 11 noyabrya 1721 g.» // PSZ. Sobr. 1-e. T. 6. ¹ 3869.
5. O zachatii i zdanii carstvuyushogo grada Sankt-Peterburga // Bespyatyh Yu.N. Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh. L., 1991.
6. Kantemir D. Monarhii fizicheskoe rassuzhdenie. Rukopis' // Biblioteka RAN v Sankt-Peterburge. Sobranie Petra Velikogo. F. 1, 5, 78.
7. Dimitrii Rostovskii. Sobranie raznykh pouchitel'nykh slov i drugih sochinenii. M., 1786. T.1. L.1. Stefan Yavorskii. Propovedi blazhennyia pamyati Stefana Yavorskogo. M., 1804-1805. Ch.1.
8. Feofilakt Lopatinskii. Sluzhba blagodarstvennaya o velikoi Bogom darovannoi pobede pod Poltavoyu. M., 1709.
9. Lomonosov M.V. Oda blazhennoi pamyati gosudaryne imperatrice Anne Ioannovne na pobedu nad turkami tatarami i na vzyatie Hotina 1739 goda; Oda na pribytie ee velichestva gosudaryni imperatricy Elisavety Petrovny iz Moskvy v Sankt-Peterburg 1742 goda po koronacii; Slovo blagodarstvennoe ee imperatorskomu velichestvu na osvyashenie Akademii hudozhestv, imenem ee govorennoe i dr.; Sumarokov A.P. Oda gosudaryu cesarevichu Pavlu Petrovichu v den' ego tezoimenitstva iyunya 29 chisla 1771 goda; Petrov V.P. Oda na pobedy v More i dr. // Russkaya literatura XVIII v., 1700-1775. M., 1979.
10. Trediakovskii V.K. Pis'mo k priyatelyu o nyneshnei pol'ze grazhdanstvu ot poezii. S. 86.
11. Radishev A.N. Slovo o Lomonosove // Russkaya literaturnaya kritika XVIII v. M., 1978.
12. Russkie pisateli XIX v. o svoikh proizvedeniyakh. M., 1995.
13. Fonvizin D.I. Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonah // Fonvizin D.I. Sobranie sochinenii. V 2-h t. M., L. 1959. T.2.
14. Novikov N.I. O dostoinstve cheloveka v otnosheniyakh k bogu i miru // Novikov N.I. Izbrannye proizvedeniya. M., L. 1951.
15. Polemika Novikova s Ekaterinoi II v 1769 g. (Epizod iz istorii russkoi obshestvennoi mysli) // Novikov N.I. Izbrannye proizvedeniya. M., L. 1951.

16. Makogonenko G. Nikolai Novikov // Novikov N.I. Izbrannye proizvedeniya. M., L. 1951.
17. Radishev A.N. Zhitie Fedora Vasil'evicha Ushakova // Radishev A.N. PSS. M., L. 1938. T. 1.
18. Terner F.G. Svoboda sovesti i otnoshenie gosudarstva k cerkvi // Sbornik gosudarstvennykh znaniy. Spb., 1877. T. III.
19. Chulkov G. Tyutchev i Aksakov v bor'be s cenzuroyu // Muranovskii sbornik. Muranovo, 1928. Vyp. 1.
20. Dobrovol'skii L. Zapreshennaya kniga v Rossii. 1825-1904. M., 1962.
21. Opredelenie Svyateishego Sinoda ot 20-23 fevralya 1901 g. 1557 s poshaniem vernym chadam Pravoslavnoi Greko-Rossiiskoi Cerkvi o grafe L've Tolstom // Cerkovnye vedomosti. 1901. 24 fevralya.
22. Bulgakov S. N. Tolstoi i Cerkov' // O religii L'va Tolstogo. M., 1912.
23. Gor'kii M. O tom, kak ya uchilsya pisat': (Otryvok) / A. S. Griboedov v russkoi kritike. M. 1958.
24. Gor'kii M. Celi nashego zhurnala // A.S. Griboedov v russkoi kritike. M., 1958.
25. Blok A.A. Dvenadcat' // Blok A.A. Stihotvoreniya i poemy. Mn., 1989.
26. Blok A.A. Razmyshleniya o skudnosti nashego repertuara: (Otryvok) // A. S. Griboedov v russkoi kritike. M., 1958.
27. Esenin S.A. Predislovie [k neizdannomu sobraniyu stihotvorenii i poem] // Esenin S.A. Polnoe sobranie sochinenii. M., 1995-2002. T. 5. 1997.
28. Chehov A. P. Oskolki moskovskoi zhizni // Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. V 30 t. Sochineniya. T. 18 / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. M., 1974-1982. T. 16. M., 1979.
29. Pogodin M.P. Pis'mo k gosudaryu cesarevichu Velikomu knyazyu Aleksandru Nikolaevichu (1839) // V poiskah svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei. Hrestomatiya po istorii rossiiskoi obshestvennoi mysli XIX i XX vv. M., 1997.
30. Pypin A.N. Obshestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I. SPb., 1918.
31. Pushkin A. S. O narodnosti v literature // Pushkin A. S. PSS. V 10 t. L., T. 7. 1978.

32. Dobrolyubov N. A. Neskol'ko slov o cenzure v Rossii /A.S. Griboedov v russkoi kritike. M., 1958.
33. Dobrolyubov N.A. O stepeni uchastiya narodnosti v razvitii russkoi literatury // V poiskah svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei. M. 1997.
34. Grigor'ev A.G. Pis'mo M.P. Pogodinu // V poiskah svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei. M. 1997.
35. Russkie pisateli XIX v. o svoih proizvedeniyah. M. 1995.
36. Dostoevskii F.M. Odnа iz sovremennyh fal'shei // Russkie pisateli XIX v. o svoih proizvedeniyah. M. 1995.

Южный

федеральный университет

16 января 2012 г.
